

Аффирмативное, негативное в дискурсе и теория метафоры

Научный руководитель – Кобринец Мария Александровна

Бычкова Анна Сергеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории и теории мировой культуры, Москва, Россия

E-mail: annaann560@gmail.com

Одной из центральных тем книги «Одномерный человек» [1] теоретика франкфуртской школы Герберта Маркузе является дискурс и его соотношение с действием и поведением. В индустриальном обществе, критике идеологии которого посвящена книга, поведение людей тяготеет к все большему функционализму, это обусловлено, в том числе, взглядом на мир-объект как на средство. Распространёнными становятся идеи терапии мышления, которая может выражаться в «неспособности к трансцендированию и непротиворечивости» (Маркузе, 1994 — 222 с). Терапия мышления в области языка выражается в стремлении избавиться от метафизики в нем и ограничить «пространство своей референции обыденным словоупотреблением и разнообразием преобладающих форм поведения» (Маркузе, 1994 — 224 с). Реализацией такой терапии является лингвистический анализ (логический анализ языка Венского кружка и философия обыденного языка).

Терапия мышления и отказ от трансцендирования понятий приводит к взгляду на философию как на то, что «оставляет все как есть» (Витгенштейн). Как говорил Карнап, бесполезно ставить под сомнения основы языкового каркаса, можно задавать вопросы внутри него. Таким образом, можно сказать о некоторой закрытости мысли: после избавления от метафизики в языке разум освобождается от казалось бы бесполезных интеллектуальных приключений, однако разуму теперь остаётся лишь ориентироваться в данной определённой обстановке (Маркузе, 1994 — 228 с).

Критику лингвистического анализа можно разделить на две части: критику его предмета — «обыденного языка» как концепции, и самого метода.

Источником «обыденного языка» является «фамильярный прохожий», язык и поведение которого сводится к конкретности: если кто-то спросил о, том, где находится веник, то, скорее всего, он намеревается его взять. Так называемый, «косвенный речевой акт»: значение трансформируется в поведенческую реакцию (Дж. Сёрл, 1990 — 337 с). Но всегда ли нужна такая конкретность и всегда ли она есть? Что делать со словами: «мир», «человек», «субстанция»? Таким образом, обыденный язык не исчерпывает универсум дискурса.

Главным недостатком лингвистического анализа как метода является то, что он рассматривает язык уже застывшим и свершившимся, игнорируя все то, что не выражено в нем, но имеет потенцию. Обыденный язык сам по себе довольно информативен и содержателен, он может сообщить нам о «калечении человека и природы» (Маркузе, 1994 — 230 с), но лингвистический анализ абстрагируется от этого.

Альтернативой лингвистического анализа является динамический: он рассматривает язык как движущую силу, которая создает ситуацию и поведение говорящих (и молчащих!) людей в ней. Кроме того, динамический анализ должен быть критическим, т.е. политическим: он вскрывает в повседневной речи историю как скрытое пространство значения — как власть общества над его языком.

Альтернативой обыденного языка Маркузе видит философский язык (метаязык)— контекст, в котором люди говорят и действуют и который придаёт смысл их словам. Если

обыденный язык (язык новостей, газет и рекламы) содержит в себе «отметины форм господства, организации и манипулирования, которым подвергаются члены общества» (Маркузе, 1994 — 255 с.), то философский язык вскрывает их. По моему мнению, такую же значительную роль в прорыве к двухмерной культуре, может сыграть и поэтический язык. Один из методов борьбы с поэтическим языком — не относиться к нему серьёзно, например, выделить для него отдельный универсум: он релевантен, но только в определённых условиях. Смыслы стихотворения нельзя перевести в обыденный язык, «понимание поэзии предполагает разрушение самого универсума дискурса и поведения, в котором вы хотите перевести» (Маркузе, 1994 — 253 с.)

Анализу поэтического языка и тем методам, которыми поэтический язык может разрушать универсума действующего дискурса и поведения, я бы и хотела уделить внимание в данной работе.

Одним из главных средств выразительности такого языка является метафора, т.е. перенос значения — но весьма необычный. Так, Кассирер в очерке «Сила метафоры» [2] говорит, что метафора — это не перенос значения в рамках одного ряда, а переход в новый, т.е. происходит процесс трансцендирования. Для обоснования этого тезиса, он вводит понятие базисной метафоры, на ее основе возникают язык и миф: предметы необходимо было как можно точнее назвать, но существовали табу на некоторые имена, поэтому происходил перенос значения. Однако логика перевода и переноса значения ошибочна, так как содержит в себе важную предпосылку: чтобы значения могли меняться местами, места должны быть закреплены (язык уже должен свершиться, а это не так), поэтому метафора является не переносом значения, а процедурой преобразования в другой род. В языке это выражается в превращении эмоционального или мировоззренческого содержания в звук, а в мифе — практического, повседневного действия в ранг священного (Кассирер, 1990 — 33-44 с).

Мысль о том, что язык содержит «отметины форм господства, организации и манипулирования, которым подвергаются члены общества» (Маркузе, 1994 — 255 с.) возможно не самоочевидна. Однако некоторые политические события могут продемонстрировать это в самой грубой и яркой форме. О судьбе немецкого языка после нацистского режима думали и рассуждали многие деятели науки и культуры. Так, поэт Пауль Целан в «Речи при получении литературной премии вольного ганзейского города Бремена» (26.01.1958) [3] говорит о травмированности языка, которую однако надо попытаться преодолеть: языку необходимо «пройти сквозь собственную безответственность, сквозь страшное онемение, сквозь тысячекратную крошечность смертоносных речей» (Целан П., 2013. 363 с). Вместе с языком разрушена и реальность, Целан пишет стихи, «чтобы как-то наметить для себя действительность» (Целан П., 2013. 363 с): т.е. сформулировать те смыслы, которые нельзя сформулировать, оставаясь и на довоенном пути развития поэзии, и на господствовавшем языке.

Таким образом, метафору можно рассматривать как силу негативного, а поэтическим языком разрушать действующий универсум дискурса и поведения.

Источники и литература

- 1) 1. Маркузе Г. Одномерный человек. — М.: ООО «REFL-book», 1994. — 368 с.
- 2) 2. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., йен., польск. Яз./Вступ. Ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. Ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М.:

Прогресс, 1990. — 512 с.

- 3) Целан П. Стихотворения. Проза. Письма. Под общей редакцией М. Белорусца. — М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. — 363 с.